

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-59-70

С.В. Мироненко

**ТРИ РОССИЙСКИХ РЕФОРМАТОРА
(К 250-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М.М. СПЕРАНСКОГО)**

S.V. Mironenko

**THREE RUSSIAN REFORMERS
(TO THE 250th ANNIVERSARY OF M.M. SPERANSKY)**

Аннотация. Статья приурочена к отмечавшимся в 2022 г. трем юбилеям видных государственных деятелей императорской России — Петра Великого (350 лет со дня рождения), П.А. Столыпина (160 лет со дня рождения) и М.М. Сперанского (250 лет со дня рождения). Отмечаются общие и особенные черты их деятельности, а также контекста проводившихся ими преобразований. К общим чертам относится несомненно модернизационный характер инициатив всех троих реформаторов, а также отсутствие либо очевидная недостаточность общественной среды, способной быть опорой реализовывавшихся или намечавшихся реформ. Петр Великий преодолевал данное препятствие, во-первых, с помощью своего властного ресурса, а во-вторых, радикализмом перемен. Во многом именно отсюда проистекает и двойственность его преобразований. С одной стороны, в стране началась модернизация, сообразная той, какая происходила в то время в других европейских странах. С другой стороны, петровская модернизация привела к усилению именно архаичных черт самодержавия. Однако для Петра отсутствие социальной опоры не стало фатально непреодолимым обстоятельством. Более того, такая опора в итоге и была создана в результате его реформ. Совершенно иная судьба оказалась у начинаний Столыпина и Сперанского. Поддержка обоих со стороны верховной власти была непоследовательной, а политическая субъектность потенциального адресата реформ явно недостаточной или вовсе отсутствовавшей, что помешало

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации

Mironenko Sergey Vladimirovich, Doctor in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Lomonosov Moscow State University, Scientific Director, State Archive of the Russian Federation

+7-495-939-12-72; cafedra19-20msu@yandex.ru

В основу статьи положен доклад на круглом столе 7 июня 2022 г., посвященном юбилею М.М. Сперанского и организованном факультетом государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

им реализовать свои замыслы. Особенным в переменах, проводившихся или хотя бы просто задумывавшихся Петром, Столыпиным и Сперанским, был сам контекст эпох этих деятелей, а значит, как степень зрелости социальной опоры реформ, так и готовность всего общества к модернизационным трансформациям. Основное внимание в статье уделяется планам Сперанского. Анализируется их содержание и оценивается личность самого реформатора. Приводится важное наблюдение о том, что реформы в России часто обуславливались не уровнем социально-экономического развития, а политическими соображениями.

Ключевые слова: Петр Великий, П.А. Столыпин, М.М. Сперанский, модернизация, конституционализм, Великие реформы, самодержавие, Российская империя.

Abstract. The article is timed to the three anniversaries of the prominent statesmen of the Imperial Russia, Peter the Great (the 350th anniversary of his birth), P.A. Stolypin (the 160th anniversary of his birth) and M.M. Speransky (the 250th anniversary of his birth) in 2022. The author highlights general and special features in their activities and the context of their reforms. Common features include the undoubtedly modernizing nature of the initiatives of all three reformers, as well as the lack or obvious inadequacy of the social environment, which could support the reforms being implemented or planned. Peter the Great overcame this obstacle, firstly, with the help of his power resources, and secondly, by the radicalism of changes. In many respects this is the source of the ambivalence of his reforms. On the one hand, modernization of Russia was in line with what was happening at the same time in other European countries. On the other hand, Peter's modernization led to strengthening of the archaic features of the autocracy. However, for Peter, the lack of social support was not a fatal insurmountable circumstance. Moreover, such a support was eventually formed as a result of his reforms. An altogether different fate was in store for the initiatives of Stolypin and Speransky. Support from the supreme power for both was inconsistent, and the political subjectivity of the potential recipient of the reforms was clearly insufficient or non-existent, which prevented them from implementing their plans. What was special about the changes carried out or at least simply conceived by Peter, Stolypin, and Speransky was the very context of these persons' eras and thus the degree of maturity of both the social base of reforms and society as a whole for modernizing transformations. Special attention in the article is paid to Speransky's projects. It examines their content and personality of the reformer. The author argues that reforms in Russia were often conditioned not by the level of socio-economic development but by political considerations.

Keywords: Peter the Great, P.A. Stolypin, M.M. Speransky, modernization, constitutionalism, Great Reforms, autocracy, Russian Empire.

* * *

В мае 2022 г. в Российском историческом обществе прошел крупный стол, посвященный юбилеям Петра Великого и Петра Столыпина. В тени этих юбилейных дат остался почти незамеченным юбилей

еще одного российского государственного деятеля и реформатора — Михаила Михайловича Сперанского.

Соединение имен Петра I и Петра Столыпина было в какой-то мере случайным. Масштаб их личностей и время, отделяющее деятельность одного от другого, очевидны и не требуют особых пояснений. Но все же сопоставление этих двух совершенно разных государственных деятелей позволило яснее представить место и роль одного и другого в российской истории.

Петр Великий, конечно же, решительно повернул Россию лицом к Европе и, как писал А.С. Пушкин, «уздой железной» поднял Россию «на дыбы». «Необходимость движения на новый путь, — писал С.М. Соловьев, — была осознана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»¹.

С именем Петра традиционно связаны не только сбритые боярские бороды, иноземное платье вместо традиционного русского, курение табака и ассамблеи, но и коренное преобразование системы управления, введение по шведскому примеру коллегий вместо приказов, новое территориальное деление страны и многое другое. Все это вместе взятое дает основание считать Петра великим преобразователем. Зарубежные поездки молодого царя, где он ощутил преимущества западной цивилизации, давали ему и его окружению пищу для сравнений и размышлений. Посылка сотен молодых людей учиться за границу, приглашение иностранцев в Россию для строительства флота, организация регулярной армии, возведение новой столицы и прочие новации Петра Алексеевича явственно обозначили вектор развития страны. Соловьев даже назвал Петра «революционером на троне».

Но был ли он революционером в точном понимании этого слова? Ответ, как кажется, очевиден: нет, не был. Ничем не ограниченное самодержавие и крепостное право не только были им сохранены в неизменном виде, но и доведены до апогея. Идея превращения России в империю для своей реализации требовала все новых и новых территориальных приобретений и выхода к морям. Чтобы «прорубить окно в Европу», нужно было создать регулярную армию и флот, затратив для этого немалые средства. Где их взять? Казна была пуста, а получать иностранные кредиты тогда еще не научились, да и не имели такой возможности. Средства для удовлетворения своих имперских амбиций Петр I мог получить только нещадным ограб-

¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 451.

лением собственного народа. Введением подушной подати он завершил закрепощение крестьян, а для выколачивания денег создал огромный бюрократический аппарат принуждения, получивший в историографии название «полицейское государство». О том, что петровские реформы лишь усугубили патриархальные принципы построения российского государства, еще в 1989 г. очень точно писал Е.В. Анисимов: «Вся революционность Петра имела, как ни парадоксально это звучит, достаточно отчетливый консервативный характер. Модернизация институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима — вот что оказалось конечной целью. Речь идет об оформлении самодержавной формы правления, дожившей без существенных изменений до XX века, о формировании системы бесправных сословий, ставшей серьезным тормозом в процессе развития средневекового по своей сути общества, наконец, о крепостничестве, упрочившемся в ходе петровских реформ»².

Другое дело — Петр Аркадьевич Столыпин. Он хотя и был убежденным монархистом, но понимал, что без коренных реформ у России нет будущего. Он хорошо сознавал, что в начале XX в. жить по-старому уже невозможно. Крепостное право пало в 1861 г., и надо было продолжить дело реформирования, а для этого требовалось разрушить общину и создать средний класс самостоятельных сельских обывателей. Столыпину, хотя он и был премьер-министром, было непросто достичь поставленных целей.

Напомню, что творцы крестьянской реформы 1861 г. остановились перед этой проблемой. Ведь развитие капитализма на Западе несло с собой возникновение пролетариата со всеми его революционными возможностями. Пауперизация огромных масс населения пугала российские власти. Да что там говорить: даже Герцену казалось, что российская община есть какой-то островок спокойствия, который сохранит Россию надолго. Герцен считал ее основой общинного социализма. Но, в конечном счете, поступательное развитие страны после отмены крепостного права показало, что невозможно жить с уравнильно-общинным землевладением и землепользованием. Крестьянин не мог успешно развивать свое хозяйство из-за регулярных переделов общинной земли. Пусть к концу XIX — началу XX в. переделы проводились не каждый год и не на всей территории страны, но они все равно проводились. Сегодня надел у одного крестьянина, а завтра — у другого. Крестьянин не чувствовал

² Анисимов Е.В. Время петровских реформ. XVIII век, 1-я четверть. Л., 1989. С. 13–14.

себя собственником земли. Отсутствие частной собственности на землю убивало главный стимул занятия сельским хозяйством. Оно мешало введению различных агрономических новшеств, которые требовали усилий не одного года. К началу XX в. это стало очевидно не только Столыпину, но и группе чиновников, которые формировались вокруг него. Со своей стороны, В.И. Ленин очень хорошо понимал опасность разрушения общины для дела революции. Он писал, что нужно ускорить подготовку революции, пока не возник класс «серых баронов», и тогда основа для революционного движения сузится. Крестьянин станет собственником в настоящем смысле этого слова — хозяином земли и средств производства.

М.М. Сперанский, деятельность которого протекала в первой трети XIX в., занимает место как раз посередине между Петром I и Петром Столыпиным. Сперанский до своего падения перед началом Отечественной войны 1812 г. был очень близок к императору Александру I, который называл Михаила Михайловича своей правой рукой в деле государственного управления. Вспоминая свою совместную работу с Александром, он писал императору в 1818 г., находясь, по сути, в ссылке в Перми: «В конце 1808 года, после разных частных дел, Ваше величество начали занимать меня постоянно предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам вошедшие, и нередко удостоивали проводить со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного преобразования»³. Речь идет об известном «Введении к Уложению государственных законов», и хотя авторство Сперанского очевидно, но и участие Александра I в его подготовке не подлежит сомнению.

Александр I уже прекрасно понимал необходимость ограничения самодержавия конституционными учреждениями и постепенного освобождения крепостных крестьян. Воспитанный республиканцем Лагарпом, он, что называется, с молоком матери впитал идеи века Просвещения. Для него ничем не ограниченное самодержавие было анахронизмом, а обладание людьми противоречило всем нравственным нормам. Еще в самом начале царствования император в узком кружке своих «молодых друзей», получившем название Негласного комитета, обсуждал возможные пути реформирования

³ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. СПб., 1897. С. 517.

страны. В придворных кругах его собеседников называли «якобинской шайкой». Однако ничего похожего на общий план преобразований в то время выработать не удалось. Дело сдвинулось только тогда, когда на политической сцене появился Сперанский.

Отрывки из «Введения» были обнаружены Н.И. Тургеневым еще в 1847 г. в его известном сочинении «Россия и русские», изданном за границей⁴. Окончательный вариант «Введения» был обнаружен только в советское время. В 1961 г. он был опубликован С.Н. Валком в сборнике проектов и записок Сперанского⁵.

Специальная глава «Введения», озаглавленная «О разуме государственного уложения», посвящена доказательству необходимости коренных реформ. Рассматривая всемирную историю, особенно историю европейскую, и пытаясь отыскать в ней закономерности, приводящие к смене одной формы правления другой, автор приходил к выводу, что время «есть первое начало и источник всех политических обновлений». «Никакое правление, с духом времени не сообразное, — писал он, — против всемогущего его действия устоять не может». Все развитие политической жизни Европы представляло «переход от феодального правления к республиканскому», и никто не смог противостоять этому неумолимому процессу. «Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не оставило перелома».

«Тот же самый ряд происшествий, — продолжал Сперанский, — представляет нам история нашего отечества». Россия шла и продолжает идти одним путем с Западной Европой. Для автора «Введения», а вместе с ним и для императора, не существовало сомнений в необходимости и своевременности коренных реформ. Анализируя современное состояние российского государства, указывая на изменение отношения народа к самодержавной власти, на явный упадок ее авторитета, очевидную невозможность для власти справиться с положением «частными исправлениями», Сперанский делал однозначный вывод, что «настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый порядок вещей». Этот «новый порядок» был по существу не чем иным, как ограничением самодержавия представительными органами.

Во «Введении» был реализован принцип разделения властей. Законодательную власть предполагалось отдать в руки Государствен-

⁴ Современное издание: *Тургенев Н.И. Россия и русские*. М., 2001. С. 588–589.

⁵ *Сперанский М.М. Проекты и записки*. М.; Л., 1961. С. 143–221.

ной Думы, исполнительную передать министерствам, а судебную — Сенату. В жизнь страны предполагалось ввести ставшие уже привычными на Западе, но принципиально новые для россиян понятия гражданских и политических прав.

Всё население Российской империи предполагалось разделить на три категории: дворянство, людей среднего состояния и народ рабочий. К последнему были отнесены «поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги». Определенными гражданскими правами должны были обладать все жители страны, включая и крепостных крестьян. Политическими правами, т.е. возможностью в той или иной степени принимать участие в управлении государством, наделялись только первые две категории. Предусматривалось введение имущественного ценза: право участия в судопроизводстве, принятии законов, наблюдении за верностью действий исполнительной власти получали только лица, имевшие недвижимую собственность. Был декларирован важнейший принцип права, по которому никто не мог быть наказан без суда.

Выборным органом, ограничивающим власть монарха, должна была стать Государственная Дума. «Никакой закон, — говорилось во “Введении”, — не может иметь силы, если он не будет составлен в законодательном сословии». Еще более определенно этот принцип сформулирован Сперанским в «Кратком начертании государственного образования»: «Никакой новый закон не может быть издан без уважения (т.е. одобрения. — С.М.) Думы», и «закон, признанный большинством голосов неудобным, остается без действия». Помимо центральной Государственной Думы в стране предусматривалось создание стройной системы выборных дум — волостных, окружных и губернских. Собираться на свои заседания Государственная Дума должна была ежегодно. У императора не было права прекратить ее деятельность, он мог лишь отсрочить созыв Думы на год или уволить всех ее членов, назначив новые выборы.

Сенат предполагалось сохранить как высшую судебную инстанцию, но он должен был стать выборным органом. Решения Сената были окончательными. За верховной властью оставалось только право надзора за соблюдением одинаковых форм судопроизводства на всей территории страны.

Исполнительная власть полностью передавалась министерствам, а также местным органам. В своей деятельности они были подконтрольны центральной и местным думам.

Вершиной новой государственной системы должен был стать Государственный совет. С одной стороны, он служил связующим звеном между императором и ветвями государственной власти,

а с другой — был как бы верхней палатой парламента, своеобразной палатой лордов, где предполагалось первоначальное обсуждение важнейших дел.

Таков был общий замысел преобразований, изложенный Сперанским и поддержанный императором. Он смело вводил в российскую действительность гражданские и политические права, выборное начало и, главное, не полное, но вполне очевидное ограничение самодержавной власти. Хотя в руках императора сохранялась вся полнота управления («в России вся исполнительная часть должна принадлежать части державной»), а без его одобрения не мог быть издан ни один закон, власть его существенно ограничивалась выборным представительным органом.

Интересно, что у самого Сперанского, вероятно, все-таки оставались сомнения в возможности полностью реализовать этот широкий план преобразований, и уж, во всяком случае, он явно видел, какое сопротивление вызовут нововведения у большей части тех, в чьих руках была сосредоточена реальная власть в стране. На эту мысль наводит записка «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам». В ней Сперанский возвращался к тому, что внушал юному Александру его воспитатель Лагарп: реформы нужны, но проводить их следует осторожно и постепенно. «Переход от настоящих установлений, — писал Сперанский, — к новым [следует] так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, если бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия». Несмотря на очевидную поддержку самодержца, Сперанский понимал, как трудно будет реализовать задуманные преобразования. Так оно и произошло. Созданный в 1810 г. Государственный совет отнюдь не стал верхней палатой парламента, да и сама идея превращения России в конституционную монархию так и осталась на бумаге.

Так почему же не был реализован этот проект? В историографии ясного и четкого ответа на данный вопрос нет. В какой-то степени в понимании причин провала плана Сперанского и Александра I могут, как мне кажется, помочь записи Петра Андреевича Вяземского в его записных книжках. Вяземский (1792–1878) прожил долгую жизнь, пережил сложную идейную эволюцию от либерала 1820-х гг. до консерватора в 1860–1870-х гг. и много размышлял о событиях российской истории и ее персонажах. В его «Старой записной книжке» есть следующая характеристика Сперанского и причин

неудачи его реформаторских замыслов. «Сперанский был ум светлый, гибкий, восприимчивый, может быть слишком восприимчивый, — писал Вяземский, — но, с другой стороны, ум его был более объемистый, нежели глубокий, ум более сообразительный, нежели заключительный. При всей склонности своей к нововведениям он мало имел в себе почина и творчества. В нововведениях своих был он более подражатель, часто трафарельщик. Может быть, по свойствам своим и характеру, по быстроте перехода из положения более чем скромного к положению почти господствующему над всеми он, при всем уме своем, при всей сметливости, не успел опомниться, осмотреться и хладнокровно оценить счастье свое. Он слепо и с упоением предался ему. Во время силы своей и лихорадочной преобразовательной деятельности он, разумеется, находил в людях усердные и поработанные орудия себе: в ласкателях, в потакальщиках также недостатка не было, и быть не могло. Но ни в среде правительственной, ни в среде общественной не имел он ни чистосердечных союзников, ни единомышленников. Он ни на что и ни на кого опереться не мог. Здесь не может быть и речи об опоре, которую он имел в самом государе, — опоре, разумеется, чересчур достаточной, чтобы поддержать и вполне застраховать его. Но по течению и по роковой силе обстоятельств, наконец, и эта опора изменила ему. Он пал, никем не оплаканный; разве один государь искренно и прискорбно сочувствовал падению, которого был он, так сказать, невольным виновником»⁶. В этих словах Вяземского, как мне кажется, выражена интересная и здравая оценка Сперанского. Тут и верное наблюдение, что в предложениях Сперанского не было ничего нового по сравнению с институтами, уже существовавшими на Западе («в нововведениях своих был он более подражатель»), и что ум его был не столько глубокий, сколько быстро схватывавший все новое.

Но самое главное, Вяземский сумел понять, что у реформаторов (будь то Сперанский или Александр I) не было на кого опереться. У реформ, необходимость которых осознавалась властью и радикальной частью общества (декабристы), не было широкой социальной базы. Не говорит ли это о том, что передовые идеи, приходившие в Россию с Запада, не находили экономической и социальной готовности страны к реформам? И здесь кроется, на мой взгляд, вообще очень серьезная проблема движущих сил преобразований.

Реформа 1861 г. Не надо доказывать, что помещики были против раскрепощения крестьян. В советской историографии это объяснялось очень просто. Помещики были закоснелыми реакционерами,

⁶ Вяземский П.А. Старая записная книжка. СПб., 2018. С. 112–113.

в лучшем случае консерваторами, не понимавшими необходимости перемен. Но только ли в этом было дело?

В свое время академик И.Д. Ковальченко организовал на историческом факультете Московского университета выступление известного американского ученого Р. Фогеля, который через несколько лет после этого получил Нобелевскую премию по экономике. Р. Фогель вместе со своими сотрудниками пришел к выводу, что плантаторское хозяйство к моменту ликвидации рабства в Америке экономически не изжило себя. У него еще не были исчерпаны все свойства поступательного развития. Плантаторское хозяйство и рабство были отменены не потому, что для этого созрели экономические предпосылки, а по вполне понятным политическим соображениям. Для победы в Гражданской войне Севера и Юга северянам во главе с Линкольном необходимо было привлечь на свою сторону чернокожее население. Издание в Соединенных Штатах (почти одновременно с отменой крепостного права в России) указа об отмене рабства практически определило победу Севера над Югом. Концепция Р. Фогеля была встречена тогда довольно настороженно.

Ну а что, если и в России была похожая ситуация? Сегодня, к сожалению, тема истории крестьянства и, шире, сельского хозяйства ушла в исторической науке, как это ни парадоксально, на второй план. Появилась масса новых очень привлекательных тем — повседневная жизнь, гендерная история и др. Историей сельского хозяйства успешно занимаются в регионах, а на общероссийском уровне можно найти только единицы исследований по аграрной тематике. Но все-таки мы не должны забывать, что исторически Россия — крестьянская страна.

Концепция последовательной смены социально-экономических формаций, положенная в основу многотонной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», увидевшей свет во второй половине 1960-х гг., безнадежно устарела. Главу о социально-экономическом развитии России в первой половине XIX в., опубликованную в IV томе первой серии этого издания, написал академик Н.М. Дружинин. По его мнению, феодально-крепостническая формация в последней трети XVIII в. вступила в стадию разложения, которое в первой трети XIX в. переросло в кризис. А что такое кризис? Это вызревание нового капиталистического уклада. Но никакого капиталистического уклада тогда в России не существовало. В соответствии с марксистской теорией для успешного развития капитализма было необходимо два условия: рынок свободной рабочей силы и замена ручного труда машинным. Но ни того, ни другого в тогдашней России и в помине не было. На всю огромную страну был только один

крупный завод сельскохозяйственных машин — знаменитый завод Бутеноса.

Так почему же в отсталой крестьянской стране все же пало крепостное право? Одной из основных причин отмены крепостного права стало поражение в Крымской войне, показавшее не только, как писал, вслед за публицистами того времени, В.И. Ленин, «гнилость и бессилие царской России», но и ее явную техническую отсталость по сравнению с развитыми западными странами. Реальной стала угроза утраты статуса мировой державы. Политические мотивы преобладали над экономическими.

И здесь в пору задать вопрос: действительно ли помещичье хозяйство исчерпало в первой половине XIX в. весь свой потенциал? Да, помещики закладывали свои имения в кредитные организации, задолженность их постоянно увеличивалась. Но, закладывая свои имения, помещики не только, как писали в советской историографии, «промаывали» полученные деньги, но и вкладывали их в развитие своего хозяйства. К сожалению, повторю опять, у нас почти нет исследований на эту тему, кроме известного еще дореволюционного труда П.Б. Струве⁷ и небольшого числа современных работ⁸. Выводы делать преждевременно, но поставить эту проблему в повестку дня действительно нужно.

Сперанский предвидел необходимость проведения коренных реформ. В этом нельзя не отдать ему должное. Но закат его жизни был нерадостен. Его последнее десятилетие вполне можно назвать трагедией реформатора. Ведь вместо того, чтобы отдавать силы реализации своих реформаторских замыслов, он вынужден был заниматься приведением в порядок прежнего законодательства. Под его руководством был подготовлен и издан Свод законов Российской империи и Полное собрание законов. Но вряд ли главный орден империи, орден Андрея Первозванного, который Николай I снял с себя и возложил на Сперанского одновременно с возведением его в графское достоинство, мог заменить несбывшуюся мечту изменить Россию.

Три века российской истории вместили жизнь и деятельность многих выдающихся и даже великих государственных деятелей. Все они, так или иначе, задумывались о путях развития России. Три выдающихся реформатора. Петр Великий, решительно развернув

⁷ Струве П.Б. Крепостное хозяйство: исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913.

⁸ См., например: Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002; Рянский Л.М. Помещичьи крестьяне Черноземного центра в конце XVIII — первой половине XIX века. Курск, 2010.

Россию в сторону Запада, оставил в неприкосновенности основу прежней российской жизни — самодержавие и крепостное право. М.М. Сперанский вместе с императором Александром I, хорошо понимая «дух времени», задумали превратить Россию в конституционную монархию, но не сумели этого добиться и потерпели поражение. Петр Столыпин попытался создать в России средний класс, который и сегодня составляет основу экономического развития цивилизованного мира, но не успел этого сделать, сраженный пулей террориста. Не удалась и так называемая столыпинская реформа. Но будем надеяться, что жили и действовали они не напрасно.

References

Anisimov E.V. *Vremya petrovskikh reform. XVIII vek, 1-ya chetvert'* [The Time of Peter's Reforms. The 18th Century, the First Quarter]. Leningrad: Lenizdat, 1989. 495 p. (Istoricheskaya biblioteka "Khronika trekh stoletiy: Peterburg–Petrograd–Leningrad" [Historical Library Chronicle of Three Centuries: Petersburg–Petrograd–Leningrad]).

Kozlov S.A. *Agrarnyye traditsii i novatsii v doreformennoy Rossii (tsentral'no-nechernozemnyye gubernii)* [Agrarian Traditions and Innovations in Pre-Reform Russia (Central Non-Black Earth Provinces)]. Moscow: ROSSPEN, 2002. 557 p.

Ryanskiy L.M. *Pomeshchich'i krest'yane Chernozemnogo tsentra v kontse XVIII — pervoy polovine XIX veka* [Landowners' Peasants of the Black Earth Center in the Late 18th and the First Half of the 19th Centuries]. Kursk: Izdatel'stvo KGU, 2010. 151 p.

Shil'der N.K. *Imperator Aleksandr Pervyy. Yego zhizn' i tsarstvovaniye* [Emperor Alexander the First. His Life and Reign]. Vol. III. Saint Petersburg: A.S. Suvorin, 1897. 569 p.

Solov'yev S.M. *Publichnyye chteniya o Petre Velikom* [Public Readings on Peter the Great] // Solov'yev S.M. *Chteniya i rasskazy po istorii Rossii* [Readings and Essays on the History of Russia]. Moscow: Pravda, 1989. P. 414–583.

Struve P.B. *Krepostnoye khozyaystvo: issledovaniya po ekonomicheskoy istorii Rossii v XVIII i XIX vekakh* [Serfdom: Studies on the Economic History of Russia in the 18th and 19th Centuries]. Moscow: Izdaniye M. i S. Sabashnikovykh, 1913. X, 340 p.

Поступила в редакцию
4 сентября 2022 г.